

ПРЕОДОЛЕНИЕ НАПРЯЖЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА – ПУТЬ К КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Л.А. БЕЛЯЕВА

Среди обществоведов и управленческой элиты продолжают попытки найти тот магический кристалл, который способен консолидировать российское общество. Для этого предлагаются те или иные национальные идеи, способные сплотить общество, осуществляется глубокий экскурс в историю, идет поиск общих культурных корней и т.д. Успехи пока небольшие. Общество слабо реагирует на попытки предложить новую платформу консолидации, которая не учитывает реально произошедшие сдвиги в общественном устройстве. Эти изменения произошли так стремительно, что до сих пор они ощущаются как несправедливые и, несмотря на адаптацию к новому экономическому механизму значительных слоев населения, они не воспринимаются как легитимные. В результате в обществе существует довольно стойкое напряжение, которое иногда выливается в протесты разного рода, но чаще копится, загоняется вовнутрь, создавая для человека атмосферу неуверенности в стабильности своей повседневной жизни, в позитивных перспективах для себя и для своей страны.

Сегодняшнее разобщение людей – это не просто психологическое отчуждение, это конфликт интересов по поводу произошедшего распределения общественной собственности, по поводу места в общественной иерархии и перспектив восходящей мобильности, по поводу места на рынке труда, по поводу образования и трудоустройства детей, по поводу отношений с властью, органами местного управления и правопорядка и т.д. Словом – это довольно осязаемые отношения, которые наполняются несовместимостью материальных интересов, недовольством со стороны населения действиями власти, а со стороны власти – поведением народа, общим ощущением небезопасного существования и нестабильности. В определенный момент эти настроения могут перерасти в социальную нестабильность.

Как можно исследовать такое разобщенное состояние общества и какова роль в его консолидации проводимой в стране модернизации? Методологически и методически решить эту проблему можно, обратившись к социологическим теориям социального пространства.

В результате исследований Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, Ф. Знанецкого, П. Сорокина, Т. Парсонса, А. Лефевра, Р. Парка, Э. Берджесса, П. Бурдьё, Э. Гидденса, и других выдающихся социальных философов и социологов, к настоящему времени сложились теоретические концепции, которые заложили основные направления в анализе социального пространства¹. *Социальное пространство* – это своего рода

метафора, обозначающая динамические социальные позиции акторов и их иерархию на различных уровнях общества. Взаимодействие акторов может происходить при взаимном доверии/недоверии и консолидации/враждебности — вплоть до ощущения онтологической опасности. Как определенно высказался Э. Гидденс, «пространство не является бессодержательным измерением, вдоль которого структурируются социальные группировки, но должно рассматриваться с позиций своего участия в становлении систем взаимодействия»².

При постановке практической проблемы консолидации российского общества актуализируется задача измерения напряжения социального пространства. Это напряжение не сводится к политической напряженности (последняя как раз отражает степень напряжения в социальном пространстве общества), а существует и постоянно воспроизводится в системе взаимоотношений социальных групп и представляющих их индивидов. *Напряжения социального пространства* возникают, когда реальные социальные позиции акторов не совпадают с их ожиданиями или же когда происходит изменение этих позиций в нежелательную сторону под действием различных обстоятельств. Изменение общественной системы, как это происходит в России в последние два десятилетия, нарушило баланс интересов, размыло общие ориентиры развития общества, изменило его структуру³. Социальные дистанции между слоями и группами непомерно выросли, одновременно произошел раскол страны на олигархически-властные группы и остальное общество. Напряжение социального пространства достигло чрезвычайно высокого уровня. Теперь остро стоит задача сблизить социальные идентичности групп.

Сокращение напряжения социального пространства регионов может содействовать консолидации общества в горизонтальном и вертикальном направлениях. *Горизонтальная* консолидация распространяется на такие формы взаимодействия людей как семья, профессиональные организации, общества по интересам и т.д. *Вертикальные* направления социальной консолидации относятся к отношениям слоев в социальной иерархии, общества и органов управления, общества и государства. Эти взаимодействия в настоящее время ослаблены и деформированы до такой степени, что можно говорить о враждебности в отношении властных структур и общества, о полном отчуждении друг от друга различных социальных слоев, которые не соприкасаются друг с другом ни на социетальном уровне, ни на уровне повседневного общения. Все больше утрачивается связь, основанная на исторической и социальной памяти поколений, на чувстве единой судьбы и единой страны. Между тем *социальная консолидация* — главная сила, цементирующая и сплачивающая общество, создающая общественное целое. Она возникает как логическое следствие общественного разделения труда и способна творить новое качество социальной

среды. Но при ее отсутствии может начаться война «всех против всех», грозящая стабильности общества.

Сегодня изучение проблем напряжения социального пространства представляется очень актуальным как в теоретическом, так и в эмпирическом ракурсах. Многие идеи для реализации этих задач можно найти в трудах социологов и социальных философов, разрабатывающих концепт социального пространства: солидарность (по Дюркгейму); социальные дистанции, социальные круги (по Зиммелю); сети взаимодействия (по Московичи); связи и контакты локальной общности внутри и с внешним миром (по Знанецкому); социальный контроль, мобильность и маргинальность (по Парку); «концентрические зоны и концентрические круги» (по Берджессу); иерархически расположенные социальные слои (по Сорокину); взаимодействия структурированных социальных отношений и индивидуальных и коллективных практик (по Гидденсу); влияние повседневных социальных практик на общую организацию социальных систем (по Хагерстранду); генезис социального пространства как результат общественного производства, которое представлено не только вещами, но и отношениями» (по Лефевру); совокупность полей, власть над которыми дает обладание капиталом (экономическим, культурным, социальным, символическим), что делает социальное пространство многомерным (по Бурдьё).

Смеем предположить, что проблема напряжения социального пространства в том контексте, о котором сказано выше, в современной литературе ставится впервые, и потому мы настаиваем на важности его изучения не только в теоретическом аспекте, но и с использованием эмпирических индикаторов. Это позволит проводить сопоставительный анализ региональных проблем и более адекватно оценивать актуальность и очередность их решения. Ниже предлагаются некоторые индикаторы напряжения социального пространства и их эмпирическая верификация с использованием тех данных, которые доступны сегодня автору⁴.

Индикаторы напряжения социального пространства и их эмпирическая верификация

Социальное пространство страны и региона, которое образуют статусы социальных акторов, многовекторно в своем развитии. Это не застывшее пространство, а постоянно изменяющийся баланс сил и отношений. В интенсивно развивающемся сообществе (регионе) социальное пространство пронизано большим количеством взаимодействий, в слабо развивающемся линии взаимодействия более редки. Но и в этих регионах может происходить накопление энергии, способной осуществить созидательные или разрушительные действия на социальном пространстве.

Горизонтальную консолидацию обеспечивают такие формы взаимодействия, в которые индивид включен повседневно. Следует признать, что только семья пока остается более-менее прочным оплотом консолидации в современном российском обществе. Более того, эта функция семьи еще больше упрочилась. Всего за 4 года, по данным всероссийского мониторинга, с 54 до 76% выросло число респондентов, которые отметили близость со своей семьей, родными. Вместе с тем, даже в семье растет уровень разногласий. Это отметили в регионах от 30 до 60% респондентов. И, хотя формы и функции семьи подверглись значительной трансформации, она остается институтом, консолидирующим и социализирующим поколения. Профессиональные объединения очень ослаблены, часто раздраемы противоречиями, не способны эффективно выступать с защитой своих членов. Объединения по интересам в силу своей природы не стабильны и плохо организованы, не интегрированы в систему гражданского общества на постоянной основе и, как правило, не имеют существенного веса в отстаивании своих позиций.

Проблемы *вертикальной* консолидации общества в настоящее время очень остры, но практически не решаются. Установленное к настоящему времени относительное равновесие очень неустойчиво и может быть нарушено при вынужденном в условиях кризиса понижении уровня жизни отдельных слоев населения. Достигнутая к настоящему времени стабилизация поддерживается доходами от экспорта нефти и газа, которые используются правящей элитой как плата за лояльность населения, но кардинально эти доходы проблему консолидации не решают. Стране в целом и каждому региону в частности нужна диверсификация экономики и вторичная — информационная — модернизация. Можно высказать гипотезу, что развитие информационной модернизации способно снять остроту напряжений социального пространства в стране и в регионах, поскольку она будет содействовать повышению качества жизни, сокращению пропасти между материальными слоями, формированию современного рынка труда, демократизации, развитию эмпатии и консолидации общества. Эта гипотеза опирается на опыт европейских стран, находящихся в стадии вторичной модернизации. Безусловно необходимо является теоретическое и эмпирическое изучение уровней напряжения социального пространства в обществе и в регионах. Особенно значимы и актуальны те из них, которые препятствуют вертикальной консолидации. Именно о них пойдет речь ниже — в применении к регионам России, которые находятся на разных уровнях вторичной модернизации.

Можно выделить следующие 4 группы индикаторов, которые отражают степень напряжения социального пространства и определяют консолидацию общества: 1. Материальный уровень жизни и мате-

риальная дифференциация населения. 2. Социальная структуризация населения. 3. Процессы формирования и развития среднего класса. 4. Социальная идентичность и взаимоотношения с институтами общества.

Материальный уровень жизни и материальная дифференциация населения

Эмпирические индикаторы:

- Доля населения с доходом ниже величины прожиточного минимума (ВПМ).
- Самооценки населением своего уровня жизни.
- Уровень материальной дифференциации (коэффициент Джини).

В *таблице 1* 21 регион ранжирован по уровню вторичной модернизации в соответствии с исходной гипотезой, что именно вторичная модернизация способна оказать существенное воздействие на материальный уровень жизни населения и сократить дифференциацию доходов. Опрос был проведен по типовой методике ЦИСИ ИФ РАН.

Таблица 1

Распределение доходов в регионах с разным уровнем вторичной модернизации

Регионы России	Индекс ВМ	Доля населения с доходом ниже величины прожиточного минимума (ВПМ) (%) (2010 г.)	Доля «нищих», «бедных» и «необеспеченных» (по самооценкам) (%) и после черты только «нищих», «бедных»	Уровень материальной дифференциации (коэффициент Джини) (2010 г.)
Новосибирская область	79	16,7	62/40	0,408
Ханты-Мансийский АО	74	10,8	53/34	0,424
Тюменская область (юг)	72	10,8	54/25	—
Красноярский край	72	18,4	48/28	0,427
Челябинская область	72	10,4	58/36	0,401
Свердловская область	70	10,1	49/31	0,432
Ямало-Ненецкий АО	70	7,7	41/26	0,421
Ульяновская область	68	17,0	55/34	0,392
Республика Татарстан	66	8,0	51/30	0,415
Республика Карелия	65	15,2	44/23	0,360
Пермский край	65	13,8	41/21	0,431
Тульская область	64	11,0	51/26	0,375
Томская область	63	14,3	39/22	0,406
Владимирская область	62	18,3	46/27	0,361
Курская область	61	10,8	44/30	0,381
Астраханская область	59	14,2	59/29	0,400
Смоленская область	59	14,7	60/39	0,378
Чувашская Республика	59	18,7	59/40	0,366
Республика Бурятия	59	19,8	54/34	0,409
Вологодская область	56	17,0	53/28	0,372
Республика Хакасия	54	18,5	50/30	0,378

Корреляционный и кластерный анализы показали, что в России достигнутый уровень модернизации региона не имеет выраженной связи с уровнем материального расслоения и наличием малоимущих. Очевидно, что большее значение имеет проводимая в регионах социальная политика, бюджетная политика Центра и региональных властей.

Если сравнить даже наиболее модернизированные регионы России с европейскими странами, находящимися на близком уровне вторичной модернизации, а это Словения, Греция, Эстония и Чехия, то увидим, что в этих странах уровень материальной дифференциации значительно ниже: Словения – 0,312, Греция – 0,343, Эстония – 0,360, Чехия – 0,251⁵. К тому же в этих странах значительно ниже уровень бедности (данные ESS).

Такая высокая дифференциация как в России характерна для осуществляющих модернизацию азиатских стран, например, для Китая (0,415), Сингапура (0,425), Турции (0,412)⁶. Но наш путь модернизации кардинально отличается от пути этих стран. Главное отличие – 20 лет назад Россия уже заканчивала первичную модернизацию и вступала во вторичную при довольно низком уровне материального расслоения. Коэффициент Джини в 1991 г. составлял только 0,260⁷.

Столь резкое изменение в материальной дифференциации провоцирует напряжение социального пространства в России в целом и в отдельных регионах. Пока оно гасится поддержанием уровня жизни за счет нефтяных доходов, но такие возможности, очевидно, будут сокращаться, если не произойдет диверсификация экономики и ускоренное развитие вторичной модернизации.

В начале 90-х гг. приватизация породила узкий слой сверхбогатых людей, получивших в свое распоряжение ресурсы сырьевой базы страны. Сложилась экспортно-сырьевая модель экономики, которая позволяет использовать сырьевую ренту для быстрого обогащения при вовлеченности в государственные структуры, распределяющие сырьевые ресурсы. Владельцы «сырьевых» капиталов не заинтересованы делать инвестиции в индустриальное развитие, сверхдоходы тратятся на роскошь и престижное потребление, значительные капиталы вывозятся за пределы страны.

В России, несмотря на сдерживание дифференциации доходов в некоторых развитых регионах, концентрация доходов продолжает нарастать. Сейчас в Москве коэффициент Джини вырос до 0,510. Это следствие неуправляемого роста доходов верхних доходных групп населения, обладающих крупной собственностью, доставшейся в период приватизации, и того, что модернизация отнюдь не затронула массовые слои, не изменила характер их труда, не повысила

его эффективность и, следовательно, оплату. Продолжающаяся концентрация доходов и сохранение большой доли плохо обеспеченных граждан – прямой путь к наращиванию напряжения социального пространства страны.

Столь длительное сохранение такого уровня дифференциации, хотя и обращает на себя внимание властей и ученых, но не находит рациональных решений по преодолению сложившейся ситуации. А они состоят, например, в том, чтобы создавать рабочие места, которые соответствуют высокой стоимости рабочей силы и, соответственно высокому качеству человеческого капитала. Иными словами, чтобы разворачивать вторичную модернизацию и воссоздавать промышленное производство на новой современной технологической основе.

При рассмотрении проблемы углубления материальной дифференциации общества следует особо акцентировать оценку своего материального положения самим населением. Эта оценка дает представление о том, как население позиционирует себя в материальной иерархии региона, и даже, косвенно, как оно относится к богатым и обеспеченным слоям. Неудовлетворенность материальным положением, ощущение несправедливости в распределении дохода – один из веских доводов для возникновения напряжения в социальном пространстве страны и регионов.

Социальная структура населения

Эмпирические индикаторы:

- Социально-профессиональная структура населения.
- Наличие в обществе социальных лифтов, открытость верхних социальных слоев.
- Баланс миграционных потоков в регионе.

Социально-профессиональная структура служит важным индикатором напряженности социального пространства региона и страны в целом. По своей сути профессия – это совокупность собственных социальных и культурных ресурсов индивида, которая помогает ему занять определенное место в общественной иерархии. В современном демократическом обществе эти ресурсы могут иметь большее значение, чем связи, принадлежность родителей к определенным социальным слоям, поскольку профессия, человеческий и культурный капитал открывают или закрывают двери социальных лифтов, поднимая или спуская по иерархической лестнице.

Сравнение России и стран Европы по профессиональной структуре занятых (по данным ESS) отражает противоречивые тенденции. В России доля профессионалов высокой и средней квалификации, за-

нятых интеллектуальным трудом, составляет 35%, что на 10 – 15% меньше, чем в развитых западных странах. В то же время рабочих (квалифицированных и неквалифицированных) в России в 2 – 3 раза больше, чем в развитых странах Запада. Меньше в России и занятость в сфере обслуживания, длительное время не развивавшейся в стране. Если же рассмотреть динамику изменения структуры работающего населения по данным статистики за 2002 – 2010 гг. то можно отметить продолжение бюрократизации всех сфер жизни. Самыми ударными темпами росла численность руководителей разного уровня – рост за 8 лет составил 1,6 раза. Доля специалистов высшего уровня квалификации увеличилась на 2,6%, в то время как доля специалистов среднего уровня квалификации практически не изменилась. Число работников сферы обслуживания, ЖКХ, торговли увеличилось на 1,4%. В тот же период доля высоко и среднеквалифицированных рабочих сократилась на 4,6%, неквалифицированных рабочих – на 0,6%⁸. Такие изменения говорят о недостаточно активном процессе реиндустриализации и модернизации в стране.

В современных условиях центральным вопросом становится изменение структуры хозяйства и повышение ее устойчивости к мировым кризисам. Сегодня Россия значительно отстает от всех развитых стран мира и от «азиатских тигров и драконов» по качеству отраслевой структуры ВВП и по качеству технологической структуры промышленности⁹. Преодоление этого отставания невозможно без всестороннего учета, во-первых, социокультурных составляющих экономического развития, желания работников заниматься квалифицированным, интересным трудом и, во-вторых, экономических и социокультурных особенностей российских регионов как частей России. Можно констатировать печальную тенденцию – сокращение промышленных предприятий негативно повлияло на квалификационный состав занятого населения, ухудшило качество рабочей силы и перспективы модернизации экономики. Развитие информационных технологий и вообще отраслей экономики знаний в такой социальной среде, где численно доминируют работники неквалифицированного и малоквалифицированного труда – заведомо рискованное предприятие. *В этом случае социальное пространство деформировано, в нем накапливается напряжение, вызываемое различиями уровня культуры и образования, образов жизни, несовпадением социальных норм и ценностей.*

Рассмотренные выше процессы – составляющие глобального тренда – сокращения возможностей вертикальных социальных перемещений массовых групп населения в современной России. Речь идет не об улучшении материального положения (эта проблема частично решается), а о повышении позиции в общественной иерархии. Как

было показано ранее¹⁰, в России в последние годы сложилась довольно устойчивая пирамида социальных слоев, наиболее массовым среди которых является слой, условно названный «реалисты» — это работники-исполнители, востребованные современной экономикой и обладающие относительно небольшим культурным капиталом, в основном на уровне среднего специального и среднего общего образования. Численность этого слоя — более 50% населения страны. Характерно, что наиболее часто наследуемое образование в нашей стране — среднее специальное, а это значит, что *слой людей средней квалификации в России практически воспроизводится*¹¹. Перемещение из этого слоя в более высокие образовательные группы явление довольно редкое — вследствие образовательных стратегий семей, ограниченности доходов и материальных барьеров, существующих в самой системе образования. Очевидно, что выходцы из таких семей часто ориентированы на достижение уровня образования, который имеют их родители, и для них характерно более раннее начало трудовой деятельности.

Сегодня социально-профессиональный рост наблюдается преимущественно у молодежи, имеющей хорошее образование, соответствующую мотивацию и живущую в столицах и больших городах. Именно в эти населенные пункты направляются миграционные потоки молодых, образованных или желающих получить образование людей. Отток квалифицированной рабочей силы наблюдается в большинстве населенных пунктов России и это создает немалую напряженность социального пространства регионов, поскольку уменьшаются человеческие ресурсы модернизации на тех территориях, которые как раз больше нуждаются в ней. В целом российская ситуация с социальной стратификацией населения может быть охарактеризована как застой и деградация, когда для многих оказались закрыты каналы восходящей и открылись каналы нисходящей мобильности. В целом по России лишь небольшая часть населения захотела или смогла изменить/повысить свой социальный статус, став частными предпринимателями или работая самостоятельно. По данным официальной статистики сейчас в стране только 7% составляют работники не по найму.

Второе обстоятельство, нередко создающее напряжение социального пространства, связано с прибытием в регионы иммигрантов с другой доминирующей культурой и правилами поведения. В течение последних лет Россия принимает в год до 600 000 мигрантов, их общее число достигает, по разным оценкам, от 7 до 12 млн человек, т.е. от 5% до 8% населения страны. Формированию поликультурного общества препятствует существенное различие религиозных и культурных

традиций большинства принимающего населения и иммигрантов. В отличие от стран Евросоюза, где система социального государства оказывает помощь мигрантам и закрепляет тем самым их в странах ЕС (хотя и здесь имеются проблемы с культурной ассимиляцией), в России многие мигранты задерживаются, как правило, только на срок работы, позже уезжая в свою страну. Отсутствие перспектив для постоянного жительства, соединения с семьей не способствует повышению квалификации приезжих для занятия более престижного места на рынке труда, успешной адаптации к новому социокультурному окружению. Неблагоприятная социальная среда, риски проживания иммигрантов в России вызвали сокращение приезда в страну более квалифицированных работников, знающих русский язык. Сегодня на просторы России хлынули иммигранты из сельских районов среднеазиатских республик, плохо или совсем не знающие русского языка. Их простой и дешевый труд, полная зависимость от местных коррумпированных блюстителей порядка, работа на подпольных предприятиях, занятость в криминальном бизнесе порождают значительную напряженность социального пространства регионов.

Проблема не может решаться только налаживанием межкультурного диалога и развитием толерантности, хотя они и способны оказать свое позитивное влияние. Ее глобальное решение возможно только путем модернизации производств с сокращением потребности в низкоквалифицированных работников. Неограниченный доступ на рынок труда мигрантов из ближнего зарубежья выстраивает своего рода препятствия для реиндустриализации и модернизации экономики и не создает мотивации у руководителей предприятий для развития современных технологий.

То, что проблема взаимоотношений мигрантов и принимающего населения стоит достаточно остро, можно проследить по данным исследований, проведенных в регионах.

Самая большая доля местного населения, отмечающего напряжение в отношениях с приезжими, в Новосибирской области (45%) – одном из наиболее развитых регионов России, самая меньшая доля – в Чувашии (11%), в регионе с меньшими доходами населения. Факторы, влияющие на отношения с приезжими в регионах многочисленны, и требуют специального углубленного анализа. Основным стимулом для приезда иммигрантов является социально-экономическая привлекательность региона. Чрезмерный поток приезжих вызывает рост напряжения в отношениях с местными жителями. Другая ситуация складывается в регионах с сокращающимся населением на давно освоенных территориях Центра. Показательна в этом отношении Смоленская область, где существует значительный отток местного

населения, прежде всего — молодежи. На фоне депопуляции приезд большого числа лиц с иной культурной традицией воспринимается жителями остро негативно.

Между тем мигранты становятся системными элементами социальной структуры российского общества и постоянными участниками рынка труда. Необходимо разрабатывать стратегию адаптации их к жизни в России, укоренения их в стране. Дело в том, что мигранты нужны России не только как рабочая сила, но и как полноценные граждане страны. При этом важно избегать возникновения гетто в крупных городах, где взаимоотношения мигрантов с коренными жителями, особенно с молодежью — одна из острейших проблем. Нельзя также допускать доминирования иммигрантских общин в небольших населенных пунктах. Необходима внятная миграционная политика, регулирующая поток мигрантов и исключаящая нелегальную миграцию, важно адаптировать мигрантов к жизни в России, в том числе с использованием их социокультурных ресурсов. Только такая политика способна постепенно снять напряжение социального пространства, возникающее по данному поводу.

Принимая во внимание, что интенсификация миграции — один из спутников глобализации и этот процесс происходит во всем мире, необходимо учитывать мировой опыт, в том числе и негативный, особенно тех европейских стран, которые раньше вступили на этот путь.

Процессы формирования и развития среднего класса

Эмпирические индикаторы:

- Численность и динамика развития среднего класса.
- Профессиональный состав.
- Отраслевая занятость.

По данным мониторинга и исследований в регионах в последние годы в России практически остановился рост среднего класса. Его доля во взрослом населении регионов составляет от 12 до 24%, а по России в среднем 22%. Это свидетельствует об исчерпанности резервов роста в том русле развития, в котором двигалась страна в последние годы. Очевидно, что модернизация медленно развивается в обществе. Рост доли среднего класса в населении — ее безусловный спутник, средний класс самый преданный ее сторонник, способный консолидировать общество. К тому же сегодня в России меняется профессиональный состав среднего класса за счет укрепления в нем позиций управленцев и уменьшения относительной

доли малых и средних предпринимателей, что никак не характерно для модернизирующегося общества.

Как показывают данные по регионам, модернизация не оказывает пока существенного влияния на рост среднего класса. Ни один регион России, за исключением Москвы, где средний класс составляет 45% взрослого населения, не имеет весомой доли среднего класса – его численность не превышает четверти населения. Такой небольшой вес среднего класса в населении показывает, что страна находится в самом начале пути к информационной модернизации, которая должна иметь своим фундаментом современную развитую индустрию. Массовый средний класс создается в недрах индустриального общества, но он утрачивает свои позиции при деиндустриализации страны и недостаточном развитии вторичной модернизации. Слабость среднего класса в России не устраняет опасную напряженность социального пространства, не способствует сглаживанию социальных различий между верхним социальным слоем и остальным населением. Устойчивое положение и рост среднего класса за счет его самовоспроизводства – это хороший индикатор стабильного развития общества по пути модернизации. К сожалению, современная Россия – не тот случай.

Социальная идентичность и взаимоотношения с институтами общества

Эмпирические индикаторы:

- Самоидентификация с общностями разного уровня.
- Доверие к основным институтам общества, в том числе к органам правопорядка.

Последние два десятилетия отмечены ослаблением социальных и человеческих связей, изменениями в самоидентификации людей, как бы «суживанием» ее горизонта до семьи, близкого круга друзей. Выше отмечалось усиление близости семейных связей и взаимоотношений, это же можно сказать и в отношении жителей небольших населенных пунктов, – сел, поселков, малых городов. Но другие группы непосредственного общения – друзья, сослуживцы становятся менее близкими для современного россиянина. Возможно, это связано с ослаблением дружеских связей в связи с сокращением свободного времени и конкурентными отношениями на работе. За этими данными опроса просматривается рост индивидуализма и отчуждения от других членов общества.

В самоидентификации жителей страны особенно настораживает значительная утрата чувства близости со своими соотечественника-

ми. Всего за 4 года — с 2006 по 2010 на 16% сократилось число тех, кто ощущает близость с жителями России. Таких людей теперь меньше 40%. Еще меньше их в группах лиц с высшим образованием, среди жителей больших городов и Москвы и в возрастной группе 25 — 35 лет.

Один из эмпирических признаков консолидации общества — доверие между людьми. По данным Европейского социального исследования в России оно — одно из самых низких среди европейских стран. Между тем консолидация общества невозможна без доверия людей друг к другу, это консолидация на уровне постоянного общения, в обыденной жизни. В социально-психологическом контексте ослабление социальной интеграции может провоцировать критические значения показателей недоверия, которые могут не выливаться в массовые акции, скорее это личное самоощущение, влияющее на индивидуальное поведение. Отсутствие напряжения в ментальных и психологических состояниях по поводу социального окружения и взаимодействия с институтами общества служит необходимым условием для того чтобы группы, занимающие нижние статусные позиции не чувствовали себя маргиналами, а образованные и активные не стремились покинуть Россию, могли использовать свои способности и знания в своем регионе и в своей стране.

Преобразования в России не сопровождаются модернизацией политической системы и устойчивым развитием институтов гражданского общества. В стране растет коррупция, нарушители законов, облеченные властью, часто уходят от ответственности. Это провоцирует напряжение социального пространства, ослабляет доверие ко всем институтам, особенно к тем, которые должны обеспечивать защиту жизни и правопорядок. По данным ESS, в России один из самых низких уровней доверия судебно-правовой системе, очень низкий уровень доверия полиции, вообще широко распространено недоверие к окружающим людям. По всем этим показателям Россия занимает место в последней пятерке среди 26 стран, участвовавших в исследовании.

Во всех без исключения странах Европы у жителей в большей или меньшей степени существует опасение за свою безопасность и сохранность своего имущества, как и у жителей России. Этот уровень беспокойства даже выше, чем у нас. Но в большинстве стран, особенно в Западной Европе люди высоко оценивают работу полиции, отмечают ее уважительное обращение с людьми. В России же только 17% опрошенных оценили работу полиции как очень хорошую и хорошую и 25% — как плохую и очень плохую, 52% оценили ее средне. Уважительное обращение полиции с людьми отметили в России 32% опрошенных, что в 2 и более раза меньше, чем в странах Западной

Европы. В России один из самых высоких уровней взяточничества со стороны полиции (только в Украине он еще выше). В других европейских странах этот показатель значительно ниже, а в некоторых странах взяточничество как явление совсем не фиксируется.

Отношение к институтам правопорядка – это один из маркеров тревожности и напряжения в обществе, причем на некоторых территориях нашей страны уровень этой тревожности зашкаливает. Максимальный уровень недоверия полиции – в Смоленской области (62%), минимальный – в Томской и Республике Бурятия (по 38%). В среднем по России около 50% взрослого населения не доверяют полиции. Можно оценить этот уровень как критический.

Предложенный перечень индикаторов напряжений социального пространства несет в себе ограничения имеющимися сейчас возможностями эмпирического анализа, он может быть расширен, иметь региональную специфику. Это предмет обсуждения. Очевидно, что необходимо исследовать напряжения социального пространства в России и регионах не только для того, чтобы предотвращать социальные эксцессы, но и для того, чтобы использовать возможности модернизации для консолидации российского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепции пространства, разработанные этими учеными, рассмотрены в статье: *Беляева Л.А.* Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // *Философские науки.* 2012. № 6. С. 22 – 35.

² *Гидденс Э.* Устройство общества. Очерк теории структуризации. – М., 2006. С. 491.

³ Термин «структуризация» (structuration) предложен и используется Гидденсом для описания взаимодействия структур и социальных действий.

⁴ В статье используются данные анализа нескольких эмпирических исследований, в которых автор принимает участие. Среди них данные Всероссийского мониторинга Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН – ЦИСИ ИФ РАН (рук. Н.И. Лапин); данные опросов, проведенных по типовой методике ЦИСИ ИФ РАН в 21 регионе России; данные Европейского социального исследования (ESS, руководитель А.Г. Андреевкова), а также других исследований.

⁵ Россия и страны – члены Европейского Союза. 2011. – М., 2011. С. 84.

⁶ Россия и страны мира. 2010. Стат. сб. Табл. 5.1. «Основные показатели уровня жизни населения». – М., 2010.

⁷ Сайт Госкомстата России: Приложение к ежегоднику «Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991 – 2011 гг.» Табл. 5.

⁸ Рассчитано по: Труд и занятость в России. 2003. – М., 2003. С. 100; Труд и занятость в России. 2011. – М., 2011. С. 96.

⁹ См.: *Акаев А.А.* Модернизация и моделирование стратегических возможностей модернизации российской экономики // *Мир России.* 2012. № 2. С. 27 – 61.

¹⁰ См.: *Беляева Л.А.* Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // *Социологические исследования.* 2011. № 10. С. 11 – 25.

¹¹ По формальным признакам новые поколения в подавляющем большинстве проходят через систему высшего образования, но это не меняет тенденции – по окончании вузов дети людей со средней квалификацией чаще занимают рабочие места, не требующие высшего профессионального образования.

REFERENCES

Akaev A.A. Modernizatsiya i modelirovaniye strategicheskikh vozmozhnostey modernizatsii rossiyskoy ekonomiki // *Mir Rossii*. 2012. № 2. P. 27 – 61.

Belyayeva L.A. Dinamika otnosheniya rossiyan k sotsialno-ekonomicheskim i politicheskim izmeneniyam // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. № 10. P. 11 – 25.

Belyayeva L.A. Sotsialnoye prostranstvo: ot teoreticheskikh postroyeniy k empiricheskomu izucheniyu // *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2012. № 6. P. 22 – 35.

Giddens E. Ustroyeniye obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii. – Moscow, 2006.

Rossiya i strany – chleny Yevropeyskogo soyuza. 2011. – Moscow, 2011.

Rossiya i strany mira. – Moscow, 2010.

Trud i zanyatost v Rossii. – Moscow, 2011.

Аннотация

В статье поставлена проблема напряжений социального пространства России и ее регионов. Предложены индикаторы напряжений. Модернизация страны рассматривается как способ преодоления напряжений для консолидации российского общества.

Ключевые слова: модернизация, консолидация, социальное пространство, индикаторы напряжений пространства.

Summary

The article poses the problem of social space tension in Russia and its regions. Indicators of tension are proposed. Modernization of the country is seen as a way of overcoming tensions to consolidate the Russian society.

Keywords: modernization, consolidation, social space, indicators of space tension.